

«ЖЕЛЕЗНЫЙ ДЕНЬ» БАБКИ ЛИДКИ

Бабка Лидка (Лидия Купцова). Железный день. Омск: Фонд Олега Чертова, 2015.

Россия — всегда столично-центрична, что и понятно, и в чем-то правильно, в силу ее гигантских пространств, которые необходимо удерживать, а все же не следует забывать слова историка Ключевского: «В России центр находится на периферии». Но много ли сейчас на центральных телеканалах передач о жизни русской провинции, ее истории и жителях — былых и нынешних? То же — и в литературной сфере. Меж тем наличествуют авторы, весьма достойные общероссийского прочтения, размышления и обсуждения.

В частности, Фондом Олега Чертова в Омске выпущена книга интересующего нас стихотворца, Бабки Лидки, — «Железный день». Издание недавно было включено в шорт-лист Международной премии «Писатели XXI века» — в поэтической номинации единственное из провинции.

Социальный и литературно-стилистический феномен «бабки Лидки» нельзя назвать совсем уж незнакомым.

В 2002 году пермский поэт и эссеист Юрий Беликов издал сборник «Приют неизвестных поэтов (Дикороссы)», где собрал стихи «сорока авторов из российской глубинки». В проекте приняли активное участие также московские поэты Марина Кудимова и Ефим Бершин. Последний, в частности, тогда же подчеркивал, что в условиях, «когда столичная поэзия все больше превращается в игрушку или подсобное средство для мимолетной популярности и получения сомнительных премий», провинциальная жизнь русского стиха отнюдь не затихла — «скорее, наоборот. Провинциальная, корневая поэзия рвется из такого сора, какой и Ахматовой не снился, — из бродяг, бомжей, воров, из шахт, из навоза...»

В том замечательном, но, увы, малозамеченном сборнике открылись лексические и смысловые пласты, о которых мало кто подозревал. Да и недосуг столицам, как правило, погруженным в собственные «культурные миазмы», в сладострастную эгоцентрическую чесотку, копать в черноземных или таежных жемчугах.

Из таких «дикороссов» — и Бабка Лидка, попавшая в поле нашего зрения и уже вызвавшая известные трясения в читающей и пишущей среде. Интернет позволил сразу довести произведения автора до публики. Были публикации и в бумажной периодике, есть и книги, вышедшие в Омске полутысячными тиражами, — «Прищепка» (2014) и «Мостик» (2015).

Дискутируют: не с литературной ли мистификацией имеем дело. У меня есть свои соображения на сей счет, однако, на мой взгляд, это не имеет значения. Явленный автор состоялся как персона и литературный прецедент; есть что читать, что слушать, от чего плакать. Интонацию, а она есть для сочинителя главное, не придумашь, дар не сымитируешь.

«Я не из города, не из села — Я из барачного строя»

Несмотря на декларирование определенного социального происхождения — «бритых подонков родная сестра, Серого, в общем, покроя» — возрастная бомжиха Бабка Лидка демонстрирует внятную укорененность в культурной традиции. Что

привлекательно — стихи ее недлинные, пишет она катренами, в которых и строки чаще всего короткие. В условиях стилистических изощрений, усвоенных современными стихотворцами, в этом есть даже вызов.

Стихотворение «Прищепка», которым открывается новый сборник Бабки Лидки «Железный день» (2015), трагестивует известный опус А. Вознесенского: «Я — вечный твой поэт и вечный твой любовник. И — больше ничего». У Вознесенского написано чеканно, любимое нами трио «Меридиан» на музыку обожаемого Таривердиева поет эти строки мягче, чем они звучат у автора, романтичнее, однако у Бабки Лидки тема иная: вместо заколки она пользуется прищепкой, что и видит в собственном зеркале. «Хоть ты меня пойми — Ведь это я тоскую, И больше — ничего, И больше — ничего...»

Тут и отсыл к сонму портретов дам у зеркала, как в живописи (З. Серебрякова), так и в поэзии (вспоминаются и сэр Роберт Эйтон, современник Шекспира, и Цветаева, с ее тоже таривердиевски поющим «Хочу у зеркала, где муть и сон туманящий...»). Но здесь говорится жестко: «Я вижу в зеркале врага, Я вижу в нем — себя».

Есть в книге и иные культурные отзвуки: и в названии «На Севере диком», и, как говорится, парафразируемый Лермонтов с нами («Отвальная», последнее стихотворение в сборнике): «Железная блеснет коронка, Предательски забьется пульс. Прощай же, брат-сестра-бабенка, Я, может, к осени вернусь! Играет солнце злым и нищим, А бабка гнется и скрипит. Земного рая не отыщет, К небесному — не добежит. Как много в этой жизни дури, Пусть не дружу я с головой, Но сердце, сердце просит бури! Ступай, старуха. Бог с тобой».

В опусе «Глаз народа», в строках: «Я ослепнувший глаз народа, Не видать мне ночных огней. Отдыхает на бабке природа, Так и я отдыхала на ней!» — слышна формула Е. Лукина: «Заломаю березку у брода, по откосу огнем полыхну. Ты на мне отдохнула, Природа? Дай и я на тебе отдохну!»

И вновь о «творчестве», с последней же прямою и нелегким вздохом: «Не беда, что я без угла, Что без памяти, как сурок. Только в том беда, что смогла Написать я несколько строк. ...Старым сердцем строки пишу, Из души — слова-лебеда, А пишу когда — не дышу, Вот беда! Вот это — беда».

И смерть у этого автора «стоит — с раскрытой бритвой, Будто сумасшедший из стиха»; помним известные строки Арсения Тарковского: «...когда судьба по следу шла за нами, как сумасшедший с бритвою в руке».

А вот о судьбе уже у самой Бабки Лидки: «Когда мордуешь — бей в полсилы, Чтоб не убить средь бела дня, Чтоб после, волей эсраила, Не шибко мучали меня. Чтобы пылающие розги Познал бы кто-нибудь иной... Но понимаю — в день морозный Придут однажды и за мной!»

Кто подумает, что это примитив, тот сильно ошибется. Классично, опять-таки с пасом великим именам и текстам (вспомним «Цветок» Пушкина или «Последний подарок» Мицкевича) названо восьмистишие «Последний цветок». И даром что написано частушечным размером, трагизм здесь — пронзающий:

На столе стоит цветок,
Сорванный с любовью.
Не забудь его, сынок,
Бросить в изголовье.

И во «Вьюге» — тоже пушкинский отзвук: «Кто мне там могилу роет? Кто грозит из забытья? Бабка вьюгу матом кроет И рыдает, как дитя!.. Утром выползу из

снега, Осеню себя крестом И походкой человека Вновь пойду искать свой дом». Вспомнишь и «Зимний вечер», и «Сколько их, куда их гонят?..» и восхитишься фольклорной расширительной тавтологией «походка человека».

Литературная жизнь Бабки Лидки осуществляется всерьез: «Бывают творческие встречи, Недавно — у меня была. Там кореша толкали речи, Разгладив хмурые чела. ...Я им подписывала книжки, Нацелив единственный глаз. Был мордобой, хоть это слишком, Но так положено у нас. ...Потом без памяти упала, По полной получив дюлей, И более не вспоминала О встрече творческой моей!» («Творческие встречи»).

Это та еще «бомжатина», усвоившая и претворившая русскую культуру и обра-щающая ее к нам на новом витке русского бытия, вспоминающая Бориса Рыжего (стихотворение «Боря») или рекушая: «Эх, сестры, сестры, я б вас увезла В Москву, Москву!.. Да где теперь Москва? Сгорела во двенадцатом году». Чехов, да, но и кон-статация сильна — о сгоревшей двести лет назад Москве. Или речь о 1912-м, 2012-м? А, братья?

«В мой железный зимний день»

Но и такова ее приязнь к братьям: «Нет зубов — ничего, Словно волчая състь, Я смогу хоть кого И десной укусить. Что же делать, когда Свою старую мать Вы, дру-зья-голытьба, Вдруг пришли убивать? Одного-то из вас За собой сволоку И урою — на раз! — В этом черном снегу».

Снег Бабки-Лидкин порой черен, как черна известная петербургская речка, и с друзьями у нашей лирической героини отношения сложные: от слезной при-язни до последнего мордобоя.

Своеобразно-гомерически дается «Совет другу». Что это? Улыбка на манер Козь-мы Пруткова, слитая с реальной заботой о друге, попечением, желанием спасти от действительно страшной Москвы? «Когда отправишься в Москву, В рискован-ный дол-гий путь, Свои деньжата не забудь К рейтузам пристегнуть. Но не снаружи — изну-три, Чтоб вражия рука Их не смогла на раз-два-три Стянуть наверняка. Резинку затяни узлом, Терпи и не робей, А то ведь не вернешь потом Мозолистых рублей. На пузе свой оставят след, Но не пускай слезу, Рейтузы сберегут от бед — Со штрип-ками внизу!»

Почти все тексты Бабки Лидки можно петь. Это тоже важное наблюдение в раз-мышлении о генезисе автора.

Проходя в «вино-водку» «мимо книжного и мимо библиотеки этой кроткой», ав-тор несет чаяние о собственных сочинениях: «А после — пьяная, как память, Пою я песни для сограждан. Пусть эти песни душу ранят И утолят скорее жажду!»

Бабка Лидка оказывается к нам ближе не только по времени или в социальном смысле (здесь мы угадываем русских женщин вне времен), но и сущностно. Автору порой достаточно лишь одного речевого оборота. «И, словно этот дуб столетний, Вот так и рухну на бегу!» Дуб у этого автора — трогательно бегущий, очеловеченный.

А это — о Страшном суде, словно вторя современнику Геннадию Русакову: «Тогда-то я и вспомню все, что было, Что не желаю помнить и боюсь: Как плакала под бревнами кобыла, Как у сыночка оборвался пульс, Как жалила людей я греш-ным словом, Как после заливалась слезами... Я, Господи, на все уже готова, Хоть Ты меня куда-нибудь возьми!»

«Иконка бьется на ветру, приклеенная мной»

Этот автор-современник, со своей аналитикой и апологетикой, очень даже отзывается и на политические колебания эфира. Стихотворение с милым названием «Эдик Сноуден» — ироничное, но и трогательное, с афористичными строками: «Он приехал на родину нашу И на снежных просторах исчез. Ест, наверное, гречневую кашу И за пазухой держит обрез. Хоть и жутко порой, но красиво Проживает наш русский народ. Потому и приехал в Россию, Что его здесь никто не убьет».

Сочинение «Мечта» завершается электрической дугой, возникающей между тихим лиризмом и русской безнадегой:

Хочу, чтоб вьюга пела песню мне,
 Чтоб я могла уже не торопиться:
 Не спиться, не убить, не застрелиться
 На нашей доброй русской стороне!

Бабка Лидка не только на коротке с бомжами, но и чутка к роковым событиям русского мира. Стихотворение «Беркут» написано о реальных адских делах «евромайдана», на сломе жуткого 2014 года:

Не беспредельщиной, не сбродом
 Распят, порублен, ослеплен
 И в кровь сожжен своим народом
 Присяге верный батальон.

Приговоренные не ропщут,
 Готовы умереть за так.
 Они опять идут на площадь,
 Где обезумевший чудак

Заточку заведет под ухо,
 Яремную прошьет насквозь,
 А удивленная старуха
 Очередной вколотит гвоздь.

Пусть облака плывут нестройно,
 Идут вослед по одному...
 И им уже совсем не больно,
 Ведь там не больно никому.

И не политическое, а космическое стихотворение «Занавес»:

Боже, пожалей малое стадо,
 Сохрани соборы на Руси,
 А еще — мне многого не надо —
 Занавес железный опусти!

Гроыхнуло чтоб во все пределы,
 Чтоб и враг присел, и кореша...

Чтобы в небо иногда глядела
Наша беспробудная душа.

В этот же ряд — в продолжение и развитие темы — становится, тоже лаконичное, короткое, метафоричное, но и внятно реалистичное, стихотворение «Ватники»:

Мы из чугуна и стали,
В телогрейках, не в пальто.
Вы и раньше нас не знали,
И сегодня мы — никто.
....
Но когда придут печали,
Не поможет вам никто,
Только мужичок из стали
И бабенка — не в пальто.

Это очень близко к суждению столичного, питерского жителя Федора Достоевского: «Последнее слово скажут они же вот эти самые разные власы, кающиеся и некающиеся, они скажут и укажут нам новую дорогу из всех, казалось бы, безысходных затруднений наших. Но Петербург не разрешит окончательно судьбу русскую».

Это народная политология и историософия, крик русского человека, когда убивают русских людей. Стихотворение «Война»: «Ну, что, гниды, привет! Скольких убьете еще? В Славянске гуляет смерть — В мозг, в печень, в плечо. Враг пришел в Краматорск. Господи, помяни! Мертвый ложится воск На ясные лица Твои. В Одессе сжигают живьем, А тем, кто летит в асфальт, Так и орут: „Добьем!“ — И добивают ребят. Только и ваш черед В сердце мое проник — До Киева доведет Вырезанный язык».

В Бабки-Лидкином мелосе находим мы и «Колыбельную»: «К нам война подкралась опять, Сединой украсила прядь. Что же, вновь идти убивать, А потом — лежать, умирать? ..Родилась — с фашистом война, Умираю — снова она. В точку ужимаются дни, Господи, спаси, сохрани...»

2014 год принес нам новое знание. О странной, как сказал православный старец, войне. Прежде мы такого не читали: «Все-таки, как это зыбко: Тихий клыкастый сосед, Баба вот эта, улитка, На теплотрассе, в обед, Скромные русские парни, Пьющие водку с горла, Пышный джигит у пекарни, Прочие чьи-то тела. Ведь через час минометом Хрястнут им всем по глазам — Запросто так, мимоходом, Души взметнув к небесам» («Июнь»).

И снова с замечательным названием «Прощание Славянска»: «Знаю я, что будет дальше, Как продлится этот час — Будут гибнуть дети наши, Если бы в последний раз! А потом придет хана вам. Время — сеять, время — жать, По оврагам и канавам Снова мертвыми лежать. Вперемешку, вместе с нами, Адский впитывая зной, — С дочерями, сыновьями Бывшей Родины одной».

Автор — дерзок и в рифмовке. Он может составить («положив на» принципы, пардон, — это тоже оборотец из стихов Бабки Лидки) рискованную краесогласную пару «бабуля — дедуля», а может и такую составную «захреначить»: «хана вам — канавам». (Я взял у Бабки Лидки глагол из экстремального ответа библиофилов педофилам: «С дубинами придут библиофилы И ухреначат — всех до одного!»)

С хореическим песенно-танцевальным ритмом написана апокалиптическая «Кнопка»:

За Победу поднимая стопки,
Запуская в небо голубей,

Думаю: добраться бы до кнопки
До безумной ядерной моей.

...

Нам оковы ваши — не оковы,
Только тело заберет земля...
В дом небесный завсегда готовы.
Где ж ты, кнопка красная моя!

«Кнопка» с полюбовным всхлипом последней строки вполне отражает народные чаяния, которым близки и эти залихватские куплеты:

Завтра вылезу на горку,
Дербалызну и спою
Про солдата, про махорку,
Про Россию — мать мою!

И вновь — «за победу!»:

«Тут одна законченная лярва Выпить запрещает на заре. Эх, нету под рукою канделябра, Маузера нету в кобуре! Ты зачем, попутчица-подружка, Мне суешь разбавленный кефир? Что, не слышишь, как херачит пушка, Как звереет наш подлунный мир? Не по малодушию и бреду И не потому, что дикий вид, Я желаю выпить за победу! Что же сердце — плачет и болит?»

«Русскому не надо много денег, Он от них немножечко дурак», — говорит-поет Бабка Лидка то звонким, то похрипывающим на морозце голосом своего народа.

Кто-то сочтет, что это лубочная поэзия. Но не следует спешить с выводами.

Рай земной недоступен,
На пороге — война,
Но у нас-то есть Путин,
А у них — ни хрена!

Есть отцовская вера
И зимы седина,
Кофты есть из мохера,
А у них — ни хрена!

Так начинается «Дорожная песня» — словно провокация, по-нынешнему говоря, троллинг, индикатор пораженных. Декларативно? Но в том-то и «фишка»: в кузькиной матери, стилизации, а в целом — убедительный «глаз народа». Потому и выход здесь — снежный, вселенский:

Предков старые фото.
Снег идет и идет...
Есть Господь наш, и Он-то
Русских точно спасет.

Автор еще не раз скажет о снеге: «На Покров просыпался снежок — Белый, белый. Русских пожалел».

И выйдет в горнее:

Люблю я водку на смородине,
Метели, русский наш размах.
Но историческая родина,
Однако же, — на небесах.

«Родина — смородина», памаш. В таких стихах — не мешает.

Ни много ни мало, стихотворение называется «Русский вопрос»: «Твой обычай и весел, и сыт, И бычки под рукой, и чернуха, Но могу и десной укусить, И заехать тебе прямо в ухо, А могу вообще упластать, Если будешь ты твякать и дальше На Россию, любимую мать, На красоты и горести наши...» Это ли не развитие тем Пушкина, Языкова, Тютчева!

И снова — русское-неизбывное: «Дом свой люблю я, которого нету, Сына, который в минуту иссяк, Глупую синюю эту планету, Звезд безымянных прохладный косяк, Злых мужиков — с бесшабашным оскалом, Баб голосистых, когда поддадим, Хлеба горбушку с прожилистым салом, Родину нашу под небом седым. Более мне ничего и не надо, Нужен единственный только уют — Тихо уснуть на краю листопада, Если друзья сгоряча не убьют» («Люблю»). Последние две строки — на грани русской гениальности; нет?

Лирическая героиня представляет себя и «Мостиком» самопожертвования: «Чтоб брат не зарезал брата, Ну, чтобы подумал хоть, Чтоб все мы пришли обратно — В Россию, где наш Господь. Бегите по мне, болезной, Ведь это — не на расстрел, Пока я вишу над бездной, Пока позвоночник цел».

Меняется ли что-то в участи русского Вийона, русского странника, в русской судьбе? «Сала шмат в заплечном рюкзаке, Сухари, бутылъ, немного соли, И — иконка старая в руке, И разбойник русский в чистом поле».

«До последней печали»

О смерти так, пожалуй, никто не говорил: «Молюсь ли у священной раки, Сжигаю глотку первачом Иль падаю в случайной драке, — Она маячит за плечом. Слепы, горбаты, тугоухи, Закусывая колбасой, Бредем по жизни, две старухи, Я — с посохом, она — с косой. Когда расстанемся — не знаю, Но все ж, когда закрою рот, Пусть и она присядет с краю И тоже малость отдохнет».

Тут есть и сестринское сострадание: «пусть отдохнет». Но еще: ведь если смерть передохнет, то кто-то не умрет! Это иное приближение к смерти, чем у харьковца Чичибабина с его антологичным: «Сними с меня усталость, мать-Смерть!»

Греют душу читателя мелические ходы, усвоенные автором из русской песни, городского, в том числе и авторского, романса. Например, даже в названии опуса — «Ношу я кожаный пиджак».

Кому ликер — его етить! —
Кому-то ром топорщит гриву,
А я хочу «боярку» пить,
Привыкла к омскому разливу.

Ношу я кожаный пиджак,
Вчера добытый на помойке,
И без разбора бью в пятак
На каждой дружеской попойке.

На свежем воздухе живу,
 Баюкаю в душе надежды,
 Но очень скоро наяву
 И я свои закрою вежды.

Бабка Лидка напомнит и о гоголевском Вие (снова сквозь Вознесенского): «Перед самую смертью поднимите мне веки, Принесите меня из угла, Чтоб прошествовали предо мной человеки, Те, кого я обидеть могла, Чтобы взгляд их печальный меня растревожил, Видно, знают, что станет со мной, Чтоб друзей закадычных корявые рожи Тихо пели мне вечный покой, Чтоб собака любимая следом бежала, Чтобы нервно зевала мне вслед И хвостом-помелом все меня провожала В те края, где ее больше нет» («Про собаку»).

И если не заплакал от строк «Чтоб друзей закадычных корявые рожи Тихо пели мне вечный покой», то хочешь — плачь, а хочешь — вспоминай антологию русских стихотворений, посвященных собакам, и размышляй о необычности образа последних строк этого описания.

Вы обратили внимание, что я цитирую стихи практически целиком, благо они коротки. Они неразъемны, поскольку написаны, как правило, на цельном дыхании.

* * *

Так говорит русская женщина:

«Я готова хоть что терпеть, Я забор пробью головой, Ведь не лоб у меня, а медь! Где ж ты, сын мой, любимый мой? Я, качаясь, бреду, бреду, Эх, да как же вы так могли... Вы, сидящие там, в саду, Не гоните меня с земли».

Родина у Бабки Лидки и такая:

«В этой жизни кому-то и мы нужны, Только в смерти — лишь ты да она. Мы безгрешны, конечно, а все ж грешны, Как, послушай, дрожит струна! Как дрожит, послушай, подземный трос, Как срывается в пропасть клеть. Из земли ты вырос и в землю врос, Как умел ты — терпеть, терпеть! Где-то рядом ад, но судьба твоя — Избегать хотя бы его. Ах ты, черная мать, ты земля моя, Да куда же мне — без него?..» («Шахтер Женька»).

Удивительно, но у автора, как заявлено, Лидии Степановны Купцовой, 1941 года рождения, слышна здесь интонация и прочитывается образность поэта сорокалетнего — уроженца донбасского Доброполя, ныне харьковца Андрея Дмитриева, написавшего несколько «шахтерских» сочинений, в частности «Это шахтный ствол, это клеть дрожит...».

Бабка Лидка «была с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был», без натяжек и изъятий. Таков «Ангел»:

Этот ангел был без крыл,
 Скромный парень из народа.
 Зубы в глотку вколотил,
 Арестантская порода!

Онемела я тогда,
 Рот пустой не открывала
 И в палате, со стыда,
 Лезла все под одеяло.

Только ночью, в черном сне,
Словно грешник на поруки,
Из груди рвались вовне
Непонятные мне звуки:

«Та-та-та-та, та-та-та ... —
И опять: — Та-та, та-та-та!..»
Билась в небо немота
Горлом пролетариата.

Я не знаю, для чего
Мне была такая милость.
После — встретила его
Да и в ножки поклонилась.

Финальный поклон — как акт святости — читательскую спесь переворачивает к слезе, вынося за скобки даже грандиозный мычащий, не проявленный смыслом звук (та-та-та), хотя нам никак нельзя упустить мощный афористичный образ: «Билась в небо немота Горлом пролетариата».

«С утра запаслась сушкой, Теперь у церкви стою — С алюминьевой кружкой, Полтиннику рада, рублю. Вчера было зябко малость, А нынче такая теплынь! Всегда Ты берег мою старость, Вот и теперь — не покинь. Какое бездонное небо — Для яви, для вечных снов... Дождусь и вина, и хлеба, Такая во мне любовь!» («Солнце»).

И такая в ней любовь — тоже:

«Вчера — гуляла, завтра — на мели, Сегодня между небом и землю. Опять менты по полной замели. Что ж я, любимый, делаю с тобою! Твой дерзкий взгляд за годы не погас. Ты не корил, не посылал, не дрался. Ты лишь однажды дал тихонько в глаз, Но самым нежным в памяти остался. Сижу я в обезьяннике пустом, Торгуя рылом — красно-сине-желтым. Так осени, прошу, меня крестом С той высоты, в которую ушел ты» («Одна»).

Идеально (с точки зрения А. Блока: из трех катренов) лирическое сочинение «Калейдоскоп», и таковых немало в сборнике. Спасибо автору и за краткость, вполне достаточную: «Ни копейки нету, ни мапейки, Ни палаты вашего ума — В голове щебечут канарейки, Стеклышками ранит кутерьма. Греемся на солнышке, а ночью Под луной, до утренних седин, Друг свою улыбку скалит волчью, Ну, и что же, он такой один. Мы сидим на краешке вселенной — Нам уже ни в чем не прекословь! — В ожиданьи легкой и мгновенной И такой же страшной, как любовь».

Бабки-Лидкины «глаза народа» с возрастом теряют остроту, но она имеет силу сказать: «И прозревая горечь и молву, Слова и буквы снова вижу — в небе».

И даже так: «И в этот предпоследний миг Увижу на стене Николы Чудотворца лик, — Он улыбнется мне».

Станислав МИНАКОВ